

К 65.630

СЧ 2

К-69659

**ЛЮДИ
СЕМИЛЕТКИ**

А.СКВОРЦОВ

**ОНИ
ШАГАЮТ
В ЗАВТРА**

Национальная библиотека ЧР

k-069659

АРКАДИЙ СКЕОРЦОВ

К65.630

С42

О Н И
Ш А Г А Ю Т
В З А В Т Р А

М 395874

ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Чебоксары — 1962

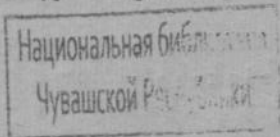
Дарственный экз.

В книгу вошли три очерка о новых людях: «Они шагают в завтра», «Корабли уходят вдаль» и «Парень из термического». В ней в популярной форме рассказывается о передовиках промышленного предприятия, о людях различных профессий, борющихся за высокое и почетное звание бригад и ударников коммунистического труда, о борьбе за выполнение плана, за улучшение качества выпускаемой продукции на Чебоксарском заводе тракторных запасных частей, об учебе и быте членов комбригады — разведчиков будущего, о самоотверженной борьбе комсомольцев и молодежи завода за прогресс в промышленности, о личном производственном опыте рабочих и др.

Слаженность в работе и сплоченность в коллективе, высокая трудовая дисциплина, любовь к своей профессии, хорошая организация труда позволили бригаде Геннадия Керносеева (в очерке «Они шагают в завтра») успешно вести борьбу за высокое звание коллектива коммунистического труда.

Автор показывает, как расширяется движение бригад коммунистического труда на заводе и какую роль оно играет в воспитании нового человека.

К-69 659

ОНИ ШАГАЮТ В ЗАВТРА

Их было трое: Керносеев, Ванюков и Охотин. Разве это бригада?

В прошлую неделю Керносеев разыскал Зиновия Дмитриева на участке. Зиновий только было заступил на смену, включил свой станок, смотрит — плохо идет эмульсия к резцам. Пришлось остановить станок и покопаться внутри. В это время и подошел к нему Керносеев. Ближе не подойти — из выдернутого шланга, описывая дугу, во все стороны хлестали тонкие струи белой эмульсии. А Зиновий, присев на корточки, копался в станке.

Гена стоял в стороне и молча разглядывал его широкую спину и чисто выбритый затылок. Потом негромко окликнул:

— Зиновий!

Но тот и не обернулся. Видимо, не расслышал. А закончив дело, торопливо закрепил эмульсионный шланг, вытер тряпкой замасленные руки и, широко улыбаясь, шагнул к Керносееву:

— Здравствуй, Гена.

— Привет. А я тебя по всему участку ищу.

— В чем дело?

— Переходи к нам. У тебя, кажется, давно было такое желание? Нам теперь разрешили взять одного расточника. Дело в том, что план нам увеличили вдвое. Пойдешь?

— Пойду.

Больше двух лет Зиновий работал на тридцать восьмой линии, или, как называют ее технологи, на полуавтоматической линии 1Л-38. А теперь Гена предлагает ему перейти на сороковую, тоже полуавтоматическую. Больше двух лет Зиновий выпускал втулки звена гусениц, а теперь будет выпускать пальцы поршня для трактора С-80.

От одной линии до другой всего два шага, и они почти сливаются друг с другом, и все же Зиновий теперь будет в другом коллективе. А ему, действительно, давно хотелось туда.

Ровными рядами вытянулись автоматы. Глядишь со стороны — всюду станки, одни станки, окрашенные в серый цвет, а людей не видно. Это потому, что линию обслуживают всего три человека: резчик Гена Керносеев, расточник Василий Ванюков, токарь Бронислав Охотин. Зиновий Дмитриев стал четвертым.

Продукцию сороковой линии проверяет контролер Галя Баданова.

— Хочешь быть с нами в одном коллективе,

жить одними стремлениями?— спросили у нее ребята.

— Хочу.

Их стало пятеро. Вот теперь — бригада.

Вместе продумали обязательства. Годовой план выполнить к седьмому ноября, — почти на два месяца раньше срока. Всем учиться, овладеть двумя-тремя профессиями, быть примерными в быту и общественных местах. А еще что? Больше ничего, этого достаточно, чтобы начать жить и трудиться по-коммунистически. Бригадиром выбрали Керносеева.

Обязательства аккуратно переписали и отнесли в цехком профсоюза.

А Зиновий задумался. Бригада! Будет ли она такой, какой должна быть по заповедям великого почина? А то есть бригады — только одно название. Сколько таких в механическом цехе! И на тридцать восьмой была бригада. Неприятная история. Даже вспоминать не хочется. Сразу всплывают в памяти первые дни прихода Зиновия на завод.

1959 год. Демобилизованный матрос приехал в Чебоксары. Мечтал учиться, но не пришлось: надо матери помогать. Отца у Зиновия нет — не вернулся с войны, пропал без вести. И поступил Зиновий на завод, учеником расточника.

Нелегкое дело разобраться вчерашнему матросу в сложных станках-автоматах. Участок был новый, опытных рабочих было мало. Самым

опытным считался Валерий Абрамов: работал он лучше всех. Но его подгоняла одна страсть — деньги. Товарищам помогал неохотно, зато зарабатывал много.

А расточные станки Зиновия давали за смену только 150—200 втулок. В первый месяц Зиновий заработал очень мало. Стал расписываться в ведомости — не ему, а с него причиталось восемнадцать рублей (за полученный аванс).

Потом дела пошли лучше — стали выпускать по тысяче втулок. Пришел наладчик Витя Прокопьев, и начали работать в две смены. Как-то само собой зародилось соревнование. Тут-то и началась неприятная история. Приходит однажды Прокопьев на смену — ни один станок не дает точного размера. В чем дело? Может быть, резцы затупились? Заменяли, поставили новые. Но это ничего не изменило.

Было над чем задуматься Прокопьеву... Возможно, не отрегулировано реле давления? Но регулировать реле — дело сложное, обычно это делают только слесари-ремонтники. И все-таки парень решил рискнуть — самостоятельно отремонтировал реле давления. И станки стали давать точные размеры.

А на другой день снова такая история. Снова возился Прокопьев у автоматов, исправляя неполадки. Часами простаивали станки, сменное задание не выполнялось. Попробуй-ка тут со-

ревноваться с Абрамовым. А Валерий ходил вокруг Витиных станков и посмеивался.

— Странное дело, — сказал ему Прокопьев. — Почему твои станки работают хорошо, а мои капризничают?

— Секрет, — ухмыльнулся Валерий. — А сказать по правде? Ты не умеешь работать.

— Не хуже тебя умею, — вспыхнул Витя. — Катись-ка ты отсюда и не мешай работать.

— Да ты же в станках ни черта не разбираешься, — разгорячился Валерий. — В тот раз я у тебя нарочно разрегулировал реле давления, а ты целый день копался в станках и кое-как нашел причину.

Так вот в чем секрет! Значит все неполадки — дело рук Абрамова. Витя доложил об этом старшему мастеру Степанову. Но тот промолчал — ведь Абрамов после каждой полочки угощал мастера водкой.

И вот этот Абрамов возглавил бригаду, борющуюся за звание коммунистического труда. Но работы он никакой не проводил в бригаде, и она распалась. Попытались было «склеить» ее, сам Степанов взялся за руководство, но ничего не вышло. Бригадира-мастера раскритиковали, и он уволился с завода.

Зиновий вспомнил, как это было. Перед глазами возникло хмурое лицо Степанова.

Зиновий потушил папиросу и прислушался: станок затрещал, затараторил. Значит, что-то

случилось, надо спешить туда. Автоматические станки — умные машины, если что-нибудь не так — сразу дают знать, «заговорят». Зиновий отлично понимает их, по звуку определяет недостатки.

Поправив на транспортере деталь, Зиновий начал загружать автомат заготовками. Подошел Ванюков — стал помогать ему загружать второй станок. Зиновий не удивился — здесь все помогают друг другу. Так должно быть по заповеди.

— Скажи мне, Вася, бывают на свете чудеса?

— А что?

— Двадцать лет не было никаких вестей об отце — пропал на фронте. А вчера вот пришло сообщение: жив отец, едет домой.

— Правда? Вот это здорово!

Ванюков удивленно взглянул в сияющие глаза Зиновия.

У транспортера мелькнула белокурая головка Гали Бадановой. Некоторые детали идут с чернотой. Она хочет выяснить причину.

У токарных автоматов склонился худощавый паренек. Это Бронислав Охотин. Ребята зовут его просто Броней. С виду он мальчишка. У него длинная, тонкая шея, и голос тонкий. Зато лицо серьезное, губы плотно сжаты. На голове черная кепка, повернутая козырьком на затылок.

Как орешки сыпятся со станка обработанные детали. Броня складывает их и клеймом штампует буквы «ЧЗ». Тук! Тук! — стучит он. Провор-

но работают его руки. Палец на левой руке забинтован, видимо, ушиб.

Кончив клеймить, он начал вместе с Галей проверять качество деталей. Галя недавно в Чебоксарах, приехала из Канаша в конце прошлого года. А Бронислав уже не первый год на участке.

Отрезной станок, на котором работает Гена Керносеев, стоит у самого прохода. Магазин станка до отказа загружен четырехметровыми трубами. Транспортёр по одной подает их к вращающимся круглым пилам, которые медленно вгрызаются мелкими зубьями в металл. Но вот заготовка отрезана — головка станка автоматически поднимается и вновь опускается на подвинутую трубу. А Гена стоит у пульта управления. Он обслуживает три отрезных станка.

В 16.00 ребята собираются вместе и подсчитывают, сколько деталей выпустили за день.

— Полторы тысячи. Это неплохо, — записывает Гена в блокнот, — но сдать их сегодня не можем — задерживает токарная обработка... Может быть, Броня, ты останешься и немного поработаешь? Твои станки ведь почти весь день простояли на ремонте, а теперь они исправные?

— Ладно, — сказал Охотин. — Сейчас я пойду в кино, а ночью приду в третью смену и все детали обработаю.

II

Хорошо после работы в чистом костюме шагать по улице. На душе легко, весело. Теплый ветерок ласково дышит в лицо. Весна. И город на фоне зелени кажется совсем другим, и улицы, и девушки... Их стройные фигуры в легких платьях так и притягивают взор... Когда Охотин полюбит, он полюбит самую красивую девушку. А такая девушка есть, вот только никак не встретишь ее.

Хорошо весной. И вечер чудный. И как Охотин не замечал раньше этой красоты? Хочется без конца смотреть и смотреть вокруг, глубоко вдыхать чистый воздух, мечтать и петь:

Хорошо мне с тобой идти
По ночной Москве.
Нам бульвары на всем пути
Раскрывают объятия.
Песня с Ленинских гор плывет,
В серебре дома.
В этот час по Москве идет
К нам любовь сама.

* * *

...А Василий Ванюков в это время тоже шагал по улице — он шел в вечернюю школу. И Зиновий Дмитриев шел в школу — он учится в девятом классе. Сегодня они повторяют пройденный материал — таблицу Менделеева.

* * *

Гена Керносеев, придя в общежитие, взял книги и ушел в Красный уголок. Он штудирует физику, готовится к экзаменам. Еще в прошлом году Гена хотел поступить в институт, но не удалось. А нынче надо поступить во что бы то ни стало.

* * *

В аудитории энергетического института Галя Баданова слушает лекцию по основам марксизма-ленинизма.

Трудно быть первокурсником. Не так-то просто, оказывается, и лекции записывать. Хочется записать все, что говорит лектор. Слово в слово — как бы не пропустить чего-нибудь. Но Галя убедилась, что это бесполезное дело. Надо вникнуть в смысл лекции и записывать только главное — коротко, своими словами.

Итоги первого года НЭПа. Лектор рассказывает об одиннадцатом съезде партии, на котором в последний раз присутствовал Ленин.

Трудно вечерникам. Днем на работе, устаешь все-таки изрядно. А программа в институте большая, отставать нельзя, чуть отстанешь — приходится все наверстывать с «космической» скоростью, ходить на дополнительные занятия. А в воскресенье Галя почти весь день дома, на столе — горы книг.

Утром первым пришел на смену Гена. Обошел безлюдный участок, остановился у токарных станков. Сюда же подошли Зиновий, Василий, Галя. Все стояли возле кучи аккуратно сложенных деталей.

Что же это такое? Неужели Охотин не обработал за ночь ни одной детали — куча совершенно нетронутая? Значит, он вчера не вышел в ночную смену, не сдержал своего слова.

Никто ничего не сказал. Да и нужно ли было говорить? Все ясно без слов.

Восемь часов. А Охотина нет. Ребята разошлись по рабочим местам. Где же Охотин?

Он появился через несколько минут. Первым увидел его Зиновий:

— Вот он пришел, артист! Постой-ка, Броня.

Остановился Охотин, дышит тяжело — запыхался, бежал всю дорогу. Зиновий вплотную подошел к нему.

— Ты почему, дружище, не вышел вчера в ночную смену? Ты давал слово или нет?

Охотин побледнел и виновато опустил глаза. Собралась вся бригада и плотным кольцом окружила его.

— Ты что, хочешь подвести нас? — продолжал Зиновий, отчеканивая каждое слово. — Мы соревнуемся, а ты решил отлынивать и опаздывать

на работу? Вот как заеду разок по шее, будешь знать как подводить товарищей.

— А у меня, может быть, причина уважительная, — проговорил Бронислав.

— Никаких причин не признаем. Ты должен был выйти в ночную смену и обработать детали. Видишь, сколько их накопилось?

— Это что здесь происходит?— спросил комсорг цеха Алеша Соловьев у слесарей-ремонтников, издали наблюдавших за этой сценой.

— Охотина обрабатывают.

— А повежливее не могут?— сказал Соловьев и шагнул было в сторону собравшейся бригады.

— Стой, стой!— схватил его за рукав коренастый слесарь.— Не ходи туда. Пусть обрабатывают... Зиновий с ним по-свойски, по-рабочему. Так лучше доходит.

И почему-то стало радостно на душе у комсорга. «Молодцы ребята, — подумал он.— Вот это настоящая борьба».

IV

Так думал не только комсорг. Так думал весь цех. Ведь сороковая линия считалась отстающей. Было время — месяцами участок не выходил из прорыва. Не все тогда ладилось и спорилось. То станки неисправные, то нет инструментов, нет труб. Даже когда организовалась бригада, многие сомневались, что участок даст в месяц по со-

рок тысяч пальцев. А ребята давали. Значит, старались они на совесть.

Рекордной цифры достиг Бронислав Охотин. В тот день, после товарищеской взбучки, он не отходил от своих станков и обработал три тысячи пятьсот деталей. Это было в субботу.

А в понедельник только заступили на смену — подбежал он к Керносееву:

— Деталей не хватает.

— Как не хватает?

— Пойдем посчитаем.

Сначала проверили по накладным — на за-
калку отправлено тысяча сто штук.

— Правильно, два рейса сделали, — пояснил мастер.

— У нас было три тысячи шестьсот, — подсчитал Гена, раскрыв свой блокнот. — Значит, здесь должно остаться две тысячи пятьсот. Посчитаем.

Подсчитали. Тысяча девятьсот. Всей бригадой пересчитали — тысяча девятьсот. А где же еще шестьсот деталей?

— Возьми накладные, уточни у мастера и сделай поправку: должно быть отправлено на за-
калку тысяча семьсот штук, — сказал Охотину Керносеев. А сам пошел с Ванюковым в термический цех.

Разыскали диспетчера.

— Сколько вывезли пальцев поршня в субботу?

Диспетчер достал из папки график, раскрашенный разноцветными карандашами.

— Тысячу сто.

— Не может быть. Вы, наверное, не считаете.

— А нам считать некогда, печи горят,— подошел к столу старший мастер. — Как подвезут, так сразу на закалку.

— А сколько рейсов сделали электрокарцицы?— спросил Гена.

— Два.

— Нет, должно быть больше,— возразил Ванюков.

— Вот накладные,— вбежал в контору Охотин. — 1.700 штук отправлено. Подпишите.

Диспетчер посмотрел накладные:

— Я не принимал эти детали и подписывать не буду.

Хорошо, что в эту минуту вошел мастер, работавший на закалке в третью смену. Он подтвердил — было сделано три рейса, и подписал накладные.

А ребята ушли довольные — нашлась пропая. Зимой был точно такой же случай. Тогда пропало больше тысячи деталей.

* * *

По участку неторопливо шагал седой фотокорреспондент из центральной газеты. Было солнечное утро. В раскрытые двери врвался в цех

теплый ветерок, внося с собой поток приятной свежести. Корреспондент кого-то искал.

— Где у вас бригада работает?— спросил он первого встречного. Им оказался Валерий Абрамов.

— Какая бригада?

— Коммунистическая. Вернее, которая борется за это звание.

— Что Вы, нет у нас никакой бригады. Вы ошиблись, не на тот участок, наверное, попали,— сказал Абрамов.

— Как нет?— вмешались парни с тридцать восьмой.— Есть такая бригада на нашем участке. Здорово ребята работают, их даже недавно в кино снимали. А бригадира Гену Керносеева наградили значком Центрального Комитета комсомола.

— Гена!— крикнули парни.— Иди сюда!

Корреспондент сфотографировал их на фоне расставленных пальцев поршня. Они стояли в два ряда, прижавшись плечом к плечу — Гена Керносеев, Зиновий Дмитриев, Бронислав Охотин, Галя Баданова, Василий Ванюков — простые, дружные ребята с сороковой линии.

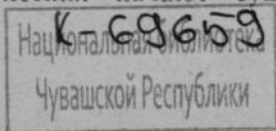

КОРАБЛИ УХОДЯТ ВДАЛЬ

В классе тишина, а за окном звонко чирикают воробьи, и ярко светит солнышко. Алешина парта у самого окошка. Ему лучше, чем другим, видны отсюда плывущие, словно клочья ваты, белые облака и кусочек неба — синего-синего, как море на картинке. Хорошо на улице: птички поют, мальчишки играют. А тут сиди за партой — не оглядывайся, не разговаривай, и слушай, как учительница объясняет, что глагол — это часть речи, обозначающая действие или состояние предмета. И зачем Алеше эти глаголы? То ли дело изучать физику, математику.

В портфеле, среди учебников и тетрадей, лежит потрепанный «Остров сокровищ». Читать его куда интереснее, чем изучать грамматику. Знаменитый Билли Бонс, наверно, не изучал никаких глаголов, зато отважно бороздил океаны и моря, бывал в таких странах, где «жарко как в кипящей смоле, а землетрясения качают сушу, как морскую волну».

Ох и заманчивая жизнь у моряков! Юрка, Алешин дружок, и тот завидует морякам. Правда, он любит и грамматику, но душа у него морская, и друг все-таки он неплохой.

В коридоре резко зазвенел звонок. Напряженная тишина школы в ту же минуту взорвалась многоголосыми криками, топотом ног, хлопанием дверей.

Шестой «А» не успел разойтись — в класс вошла пионервожатая:

— Ребята, минутку внимания! Кто хочет заниматься в кружках моделлистов, прошу подойти ко мне.

— А в какие кружки можно записаться?

— В авиамодельный и судомодельный.

Подошел Алеша к парте, где сгрудились ребята, глянул через головы — записываются. Большинство в кружок авиамоделистов.

— Давай и мы запишемся? — сказал Юра.

— Давай, — сказал Алеша.

— В какой?

— Спрашиваешь... Конечно, в судомодельный. Корабли будем делать.

Алеша с Юрой — закадычные друзья. Они всегда вместе — и в школе, и дома. Вместе мечтали о море, о кораблях, вместе читали книги, смотрели кино. И сны им снились одинаковые: корабли Лаперуза, эскадры Нахимова, Ушакова, матросы мятежного «Потемкина», революционной «Авроры»... Плыли корабли в далекие

страны, туда, где знойное тропическое лето, туда, где свирепствуют злые штормы.

Плыли вдаль корабли. Но не настоящие, а игрушечные. Делали их мальчишки — Алеша с Юрой, когда по улицам Чебоксар бежали весенние ручьи. Это были просто кораблики. А теперь они записались в кружок, чтобы делать настоящие модели.

Моделисты занимались в Доме пионеров. В просторную мастерскую приходили десятки мальчишек-любителей, таких же, как Алеша с Юрой. Русые, черные, рыжие головы склонялись над верстаком, трудолюбивые руки делали маленькие кораблики. С завистью смотрели на них Алеша с Юрой: хотелось им сделать такие же красивые корабли. Это, наверно, очень трудно и интересно. Но руководитель дал им почти готовую модель, велел подогнуть к ней детали, покрасить и отполировать корпус. Вот и все, ничего интересного.

— Нет, здесь нам не климат, — сказал Алеша. — Давай, Юра, запишемся в морской клуб. Ну что мы здесь — игрушки только делаем.

Морской клуб располагался в здании республиканского комитета ДОСААФ. Посмотрел работник клуба на ребят — по глазам понял: любят они морское дело. А на вопросы отвечают коротко, хмуро. В общем, мальчишки.

Начали они учиться мастерству моделиста. Делали эсминцы, торпедные корабли, крейсера.

Получались они как настоящие — с просторной палубой и длинными стволами орудий, плыли по реке медленно, степенно, гордо.

Но захотелось Алеше сделать такую модель, чтобы понеслась она по волнам, как птица. И смастерил он яхту, да получилась она неудачной.

В ту пору приехал из армии инженер по моделизму яхтсмен Сергей Зиновьев.

— Чтобы сделать хорошую модель, — сказал он мальчику, — надо хорошо знать настоящую яхту. Поедем со мной кататься?

— Поедем.

Пока Зиновьев осматривал рангоут яхты, паруса и снасти, Алеша забрался на сиденье. Через несколько минут легкий ветерок вынес их на середину Волги.

— Лево руля! — скомандовал Зиновьев. — Так, держать!

— Есть, так держать! — весело ответил Алеша.

Сердце его трепетало от счастья. Морским соленым ветром пахнуло в лицо от туго натянутых парусов... Прозрачные волны лениво плещутся о борт и исчезают за кормой. Так и хочется погладить их прохладные гребни, окунуть в воду горячую ладонь.

А вокруг чудный простор — Волга. Гладкая поверхность ее, отражая голубой шелк неба, сверкает на солнце, как огромное зеркало. Гудки теплоходов и пароходов, гул мчащейся «Ра-

кеты», рокот грузовиков у пристани — величественная симфония великой Волги...

Кого не восхитит красота этой реки! Алешу всегда тянули к себе ее обрывистые берега, тихие плесы, широкая ровная гладь. Правда, здесь не бывает бушующих штормов, но когда катаешься на яхтах, чувствуешь себя не хуже, чем на море.

Два года плавал Алеша под парусом, изучал технику вождения и приемы опытных гонщиков. Он получил права рулевого второго класса, потом выполнил норму яхтмена второго разряда. А потом — стал чемпионом республики среди юношей.

Но и после этого сделать хорошую модель оказалось не так-то просто. Всю зиму Алеша мастерил свою яхту. К весне закончил.

— Это яхта класса «П», — сказал Зиновьев, осмотрев ее. — Только не пойму какой она конструкции.

— Собственной, — улыбнулся Алеша, и сияющими от счастья глазами взглянул на Зиновьева.

— Хорошая модель... Вот только как покажет себя на воде, — сказал Зиновьев. — Скоро зональные соревнования среди школьников.

— А когда они начнутся, где?

— В Казани, через месяц.

Испытывали яхту за Волгой, на затоне. Спустили ее на воду. Нет, не понеслась она птицей, а тяжело повалилась на бок.

Всю зиму парнишка строил модель, но пришлось безжалостно сломать ее. Снова Алеша мастерил яхту — легкую, быструю, как ветер. До позднего вечера не уходил он из морского клуба — ведь через месяц ехать в Казань.

На соревнованиях в Казани Алеша Соснин занял первое место. Это было весной 1960 года. Дебют был замечательный и неожиданный. А потом ездили в Москву. И там победила его яхта. И он вошел в число сильнейших моделистов, стал чемпионом Российской Федерации.

* * *

Алеша в задумчивости стоял на крыльце. Над темными вершинами леса, как громадный костер, полыхал багряный закат. Яркий диск солнца медленно опускался вниз. Алеше казалось, что это уходит его детство.

Кончились школьные годы. Впереди большая трудовая жизнь — незнакомая и нелегкая.

* * *

Был парнишка школьником, стал рабочим. Завод, изготавливающий запасные части к тракторам, стал его родным заводом. Робко вошел он в чугунолитейный цех. Оглушающе стучат, грохочут большие агрегаты. Льется в ковш расплавленный желтовато-красный огненный поток ме-

талла... А вот работают формовщики. Дробно стучат, встряхивая землю, машины. Возле них рабочие в черных спецовках.

Алешин участок у самого входа в цех. Здесь пахнет сосновыми стружками и опилками. Рабочие изготавливают модели для формовки деталей. Дело ответственное.

— Это потруднее, чем кораблики делать, — сказал бригадир Кузьма Трифонов. — Прежде всего надо освоить профессии столяра, токаря и фрезеровщика по дереву. Надо научиться работать на фуговально-строгальном, ленточно-пильном станках — нам приходится выпиливать заготовки разной конфигурации. Ну и, конечно, надо уметь читать чертежи, а это нелегко дается. Приходили к нам десятиклассники — по полгода, по году учились разбираться в чертежах.

Бригадир дал Алеше задание и отошел. А вернулся — глазам своим не поверил: ученик, как заправский рабочий, вытачивал на станке заготовку. Оказалось, что Алеше многое уже знакомо. Он отлично разбирался в чертежах, мог выпиливать, вытачивать, строгать. Это дал морской клуб. Здесь, на заводе, ему надо было освоить литейное производство — научиться делать модель так, чтобы по ней легко было формовать детали. И он учился — читал книги, смотрел как работают литейщики.

А после работы сразу, даже не забежав домой, парень спешил в морской клуб. Он готовился к

Всесоюзным соревнованиям, делал модель новой яхты.

Впервые он столкнулся с такими сложными расчетами — ведь надо было выработать для модели лучшие ходовые качества. Плоды долгих раздумий — четкие линии на листе ватмана. Как настоящий конструктор работал Алеша над чертежами, как настоящий инженер строил яхту. Сделал из фанеры наборный корпус, обшил снаружи липовыми рейками и обклеил капроном. Покрасил, отполировал. Корпус должен быть гладким, обтекаемым.

Каждую деталь обрабатывал Алеша с исключительной тщательностью и точностью. Эти и много других навыков дал ему завод.

...Полночь. В тесном помещении мастерской все еще горят лампочки. Дремлют эскадренные миноносцы, крейсера, радиоуправляемые корабли.

Завтра ехать на соревнования, а у моделлистов еще не все в порядке. Приходится работать и ночью. Рядом с Алешей трудится, обросший черной щетиной, Сергей Зиновьев.

У Алеши почти все готово, осталось только закрепить киль со свинцовым наконечником.

— Нудная у тебя работа,— говорит Юра Золотов. Он уже закончил свое дело — его сторожевой корабль стоит на верстаке в полной боевой готовности.

— Не нудная, а кропотливая,— поправил Алеша.

— Ну, кропотливая... Правда, у меня тоже было немало возни, но у тебя еще больше.

Сверлит Алеша последние отверстия, закрепляя свинцовый наконечник, а сам думает о предстоящей поездке. Как покажет себя новая модель? Это выяснится завтра, на Волге. Поднимет паренек паруса, похожие на крылья, и помчится яхта вперед по заданному курсу. А вдруг не помчится?

Усталая голова его склоняется все ниже и ниже. Так и заснул он, уронив голову на стол.

А утром, на затоне, поблескивая свежевыкрашенными бортами, закачалась спущенная на воду модель полутораметровой яхты. Алеша смотрел на туго натянутые паруса и чуть не прыгал от радости. И было чему радоваться — ведь построена модель яхты международного класса «10». И сделал ее Алеша.

Ребята обступили модель.

— Яхта — во! — сказал Юра Золотов, подняв для убедительности большой палец.

* * *

Финал Всесоюзных соревнований проходил в Ленинграде, на Васильевском острове. Алеша никогда не был в Ленинграде. Зато он знал и любил песенку об отчаянном парне с Васильев

ского острова, который геройски сражался в бою, а в трудную минуту поднял товарищей в атаку. Но когда начались соревнования, забылась и эта песня: никогда не переживал он так, как тогда.

Стояла тихая жаркая погода. Поверхность залива — гладкая, ровная, без единой складки. Словом, полное безветрие, штиль.

Яхты в ряд выстроились на старте. Сигнал судьи — и понеслись они вперед. Красивое зрелище — гонки яхт! Алеша не сводил глаз со своей красавицы-модели. Душой он был там, на просторе залива, рядом с моделью. Пока она идет позади всех, но до финиша еще далеко — авось и наберет скорость, вырвется вперед.

Нет, не вырвалась она вперед, финишировала последней. Снова гонка — снова потеря очка. Нет, не всегда, оказывается, гонки яхт бывают красивым зрелищем. «Значит, не смог я построить настоящую модель», — грустно подумал Алеша.

Три дня соревновались. Тринадцать гонок — четыре поражения. Не думал Алеша, что так получится. В прошлом году, в Казани, он больше волновался за свою модель, да и номер при жеребьевке выпал самый несчастливый — тринадцатый. Но и тогда у него не было столько поражений. А недавно, на отборочных соревнованиях, он занял первое место, опередив даже мастера спорта Тараторкина.

Но четыре поражения — еще не беда. Судьбу

Алешиной яхты должен решить последний — четвертый день соревнований.

Утро этого дня тоже не обещало ничего отрадного. Яхты с тонкими изящными корпусами взяли старт: зеленая — белоруса, синяя — латыша, бежевая — киргиза и ярко-красная — Алеши. «Эх, ветру бы сюда, — шептал Алеша в душе. — Ветер, где ты, ветер?»

Но что это? Ветер! Хоть он был и не очень сильный, но глаза спортсмена сразу засияли. Бессильно повисшие паруса вдруг дрогнули и натянулись. Ярко-красная яхта вырвалась вперед и понеслась, понеслась вперед — как птица, как ветер! И так на всех гонках.

Алешу Соснина поздравляли. А он был счастлив, очень счастлив. Даже не верилось: в восемнадцать лет — диплом и жетон чемпиона Советского Союза. Ему вручили именные часы и предоставили почетное право спуска флага Всесоюзной спартакиады.

* * *

...Шумит, гремит заводской цех. Это будничные трудовые шум. Алеше, наверное, было бы скучно без этого шума. Он делает модель детали трактора, а сам думает о Юрке Золотове. Вчера тот прислал письмо. Служит в ракетных частях. А ведь мечтал о море. Сейчас, наверное, скучает по своим моделям. А его эскадренный мино-

носец еще хранится в морском клубе, дожидаясь хозяина.

«Эх, Юра,— прошептал Алеша.— Не знаешь ты, что завтра мне ехать в Москву, на отборочные соревнования, а потом, может быть, в Чехословакию».

Да, завтра Алеше ехать. И он представил, как поплывет его яхта на вагонной полке до самой Москвы, а потом дальше, до самой границы, потом еще дальше — в Карловы Вары, на международные соревнования моделистов. Он будет представлять Советский Союз. И кто знает, может быть, и там он будет победителем.

ПАРЕНЬ ИЗ ТЕРМИЧЕСКОГО

1.

Когда художник рисовал портреты первых заводских ударников коммунистического труда, в мастерскую зашли девчата из термического. Они остановились у портрета Базванова. С холста весело глядел круглолицый паренек с курчавыми волосами, свисавшими почти до самых бровей.

— Гляди-ка, точь-в-точь наш Витя,— сказала одна из девушек.

— Витя и есть,— сказала другая.— Ведь он ударник... Парень молодец, только бы не зазнался... А к Логунину он все еще ездит, возит ему книги.

О каком Логунине говорили девушки и почему Виктор ездит к нему домой? А впрочем, история эта известна многим на заводе.

Началась она так.

По улице неторопливо шел паренек. Лицо его было озабоченным. Он не обращал никакого внимания на прохожих, на стремительно мчащихся по шоссе самосвалов, «МАЗов», «ЗИЛов», «Побед», на устремленные ввысь леса новостроек, на недавно выстроенные многоэтажные дома. Наоборот, он чаще поглядывал на низенькие бревенчатые избы.

Улица круто спускается вниз. Идешь, и весь город виден отсюда как на ладони. Дощатый тротуар местами короток и резко обрывается лесенками в две-три ступеньки. Ступишь шаг — лесенка, еще шаг — опять лесенка. И когда шагаешь торопливо, кажется не идешь, а бежишь.

Возле большого пятистенного дома паренек остановился, постоял с минуту в раздумье: — зайти или не зайти, — потом решительно открыл калитку. На него с рычаньем бросилась огромная овчарка. Парень тут же отскочил назад и захлопнул калитку. А собака за забором с яростным лаем рвалась к нему. На крыльцо выбежала хозяйка, прогнала овчарку, потом спросила у паренька, что ему надо.

— Квартиру ищу.

— Нет, сынок. Хоть дом-то и велик, а пускать некуда — у меня живут два студента.

Свернул паренек к кинотеатру «Родина». Набережную Волги сплошь облепили люди. Они смотрят на широкий простор реки, по которой

проплывают большие пароходы, с громким рокотом проносятся моторные лодки.

Постоял он с минуту, вздохнул и снова зашагал. Иногда спрашивал у прохожих — не скажут ли адрес какой-нибудь. Одна женщина посоветовала идти в деревню Соляново и объяснила как добраться туда.

Он вышел на окраину города. Позади остались большие корпуса хлопчатобумажного комбината. Впереди широкая дорога, по которой одна за другой снуют автомашины, поднимая клубы серой пыли.

Вот и Соляново. Низенькие домики, такие же, как и в его родном селе. Прошел всю улицу, от начала до конца. Решил зайти в домик, перед окнами которого одиноко возвышался куст рябины. В избе тишина. У окна сидел пожилой худощавый человек с пордевшими темными волосами и покачивал детскую кроватку. На скрип двери он повернул голову. Паренька поразили закрытые глаза и какое-то странное, неподвижное выражение лица. «Слепой», — догадался он.

— Здравствуйте.

— Доброго здоровья, — ответил мужчина, продолжая качать кроватку. — Что скажете?

— На квартиру хочу попроситься.

— Хозяева на работе, а я живу здесь у брата... С ними надо бы поговорить, может пустят.

— А где они работают?

— В колхозе. Хозяйка воду возит на ферму. Ее вы разыщете быстро. Логунина — фамилия-то.

На окнах домов весело играют теплые лучи сентябрьского солнца. А на душе тоскливо. Где разыскать эту Логунину?

Впереди показалась лошадь, везущая телегу с бочкой. На телеге восседала женщина лет тридцати. Она и оказалась Логуниной.

Парень рассказал ей: из армии вернулся, в авиационном училище был, не успел закончить — демобилизовали по болезни, теперь он хочет устроиться работать на завод.

— А родители у тебя есть?

— Есть. В Красно-Четайском районе живут.

Так поселился у Логуниных Виктор Базванов. Семья у них небольшая: Иван Кузьмич с женой и сыном да Петр Кузьмич.

Виктор стал пятым. Принес он с собой тощий армейский вещь-мешок, набитый немудреными пожитками.

— Вот тебе постель, а вот столик позаниматься. Хоть изба у нас и небольшая, но, как говорится, в тесноте, да не в обиде,— сказали Логунины.

II

На другой день Виктор проснулся рано. Съев остаток вчерашнего батона и выпив стакан молока, он отправился в город. Решение было твер-

дое — поступить на завод тракторных запасных частей.

С трепетом вошел он в отдел кадров. Возьмут или не возьмут? Ведь у него нет никакой специальности. Школа да не законченное военное училище — вот и весь жизненный путь.

В небольшой комнатке, отгороженной у входа, стоят несколько мужчин и женщин. За перегородкой три стола. За крайним столом сидит худощавый молодой человек. Он по очереди берет у посетителей документы, проверяет их, потом что-то записывает, задает вопросы.

— В термический пойдете? — спросил он, когда очередь дошла до Виктора.

— Пойду.

Виктор не раздумывал. Термический или механический — он все равно не имел никакого представления об этих цехах.

Пока работник отдела кадров оформлял документы, Виктор, облегченно вздохнув, думал о том, что наконец-то он устроился и что завтра можно написать домой письмо. Только какой он, этот термический цех, и чем занимаются термисты?

Первое представление об этом он получил на инструктаже по технике безопасности. Инженер коротко рассказал о цехе, об электрических печах и о том, как надо быть на заводе всегда внимательным и осторожным. По-настоящему о новой профессии Виктор узнал позже.

II.

Первый день запомнился Виктору. Пришел на работу рано. Прошелся по цеху — никого нет. Всюду оборудование, у прохода — куча деталей. Все здесь интересно, но только непонятно. Сбоку какие-то комнатки с железными стенами. Заглянул в одну — пусто, в другую — сидят четверо в рабочих спецовках, о чем-то беседуют. Увидели паренька в солдатской форме — приумолкли.

— Ну вот и мастер пришел,— сказал один.

Виктор засмеялся:

— Какой же я мастер? Первый день на заводе. Все громко засмеялись. Они, оказывается, тоже были учениками — только второй день на работе.

Вскоре появился мастер. Звали его Виктором Афанасьевичем Фирсовым. Он каждому дал задание, а потом повернулся к Виктору. Оглядев с головы до ног невысокого, с пухлыми румяными щеками паренька, сказал:

— Сначала получи спецовку, переоденься, а потом я скажу что надо делать.

Через полчаса Виктор шел рядом с мастером по цеху. Он с опаской перешагивал через электрический кабель, боязливо наступал ногой на металлические плиты — не провалятся ли?

Справа стоят печи, напоминающие большие квадратные коробки. Называются они Н-75. Возле них, ловко орудуя длинной кочергой, работа-

ют термисты. Один выкатывает из печи раскаленную деталь, другой коротким крючком зацепляет ее и погружает в воду.

— Это называется закалкой на воду,— пояснил мастер.

— Закалка? А разве детали не в печах закаляются?

— В печах детали нагреваются, а закалка производится в жидкой среде.

— А почему эта печь называется Н-75?

— Потому, что мощность семьдесят пять киловатт в час.

Посреди цеха метров на двадцать пять вытянулся громадный агрегат — Челябинский блок. Это гордость цеха и даже всего завода. Он может обрабатывать до четырех тысяч звеньев гусениц за одну смену. Здесь рабочий только загружает детали, а весь процесс закалки и отпуска производится автоматически.

Мастер остановился возле небольшой круглой печи Ц-105. Виктор никогда бы и не подумал, что это печь. Она скорее всего напоминала яму, обложенную со всех сторон кирпичами. Плоская верхушка ее с круглой металлической крышкой возвышалась над полом всего на каких-нибудь полметра. Таких печей оказалось четыре. И над каждым, как маленький факел, колыхался язычок пламени. Это горел газ.

Мастер открыл печь — она до отказа загружена крышками катка. После отжига эти крышки

становятся мягкими и рабочим механического цеха легко их обрабатывать.

Виктору предстояло разгрузить печь. Мастер показал, как это надо делать. Дело оказалось нехитрым: зацепляй крючком да вытаскивай.

И как только мастер ушел, Виктор сразу принялся за работу. Наловчился быстро. Через полчаса на полу выросла целая гора крышек. Двести пятьдесят штук насчитал Виктор, когда извлек последнюю крышку. Устал изрядно. Спина мокрая, хоть выжимай спецовку, по лицу струился пот, и соленые капли стекали на губы, щипали глаза. И все же Виктор был на седьмом небе — ведь задание выполнено блестяще.

Но радость омрачилась быстро. Подошел мастер и схватился за голову:

— Что ты наделал! Ведь я же сказал, что выгружать надо через два часа.

И без того румяные щеки новичка вспыхнули еще ярче. Вот тебе и выполнил задание. Как же это получилось? Он еще успокаивал себя, что профессия термиста очень простая и легкая: ведь не надо же, как, например, токарю изучать сложный станок, вытачивать деталь с точностью до миллиметра, строго придерживаясь чертежа. А, оказывается, не так-то просто. Поди-ка разберись сразу в этой профессии.

— Работу нашу глазами не увидишь, — сказал мастер. — Токарь, к примеру, выточит на станке деталь — пощупать можно и качеству оценку

дать. А у нас все на совести рабочего. Хорошо поработал — и качество отличное.

Не смея смотреть мастеру в глаза, Виктор виновато опустил голову. Настроение было лвно испорченное. До самого конца смены Виктор носил в себе чувство какой-то робости и неловкости. Все заняты делом, а он вот стоит у печей и смотрит как работают люди. А сколько видов печей. «Нет, наверно, никогда мне не стать хорошим термистом», — уныло подумал Виктор.

— Что, парень, наработался? — насмешливо спросила одна из девчат. — Наверно, уж руки болят?

Виктор сердито посмотрел на нее. А сам подумал: «Люди здесь разные, иные, видимо, непрочь и кольнуть словечком, съязвить, посмеяться. Надо ухо держать востро». И вообще на заводе, в рабочей среде, новичок оказался в новой, пока еще непривычной обстановке. То ли дело в школе с ребятами, или в армии среди солдат — народ простой. А здесь и заговорить решишься не с каждым. К тому же и без дела болтаться мучительно.

Вскоре и Виктору нашлась работа — мастер послал его укладывать звенья гусениц. У самого входа в цех их возвышалась огромная куча. Это готовая продукция. Звенья надо было связывать проволочкой по пять штук, прикрепить бирку и аккуратно сложить в штабеля. На укладке работали трое.

— А куда их отправляют?— спросил Виктор, кивнув на штабеля.

— Отсюда на станцию, а оттуда по железной дороге куда-нибудь на Камчатку, в Сибирь, на Урал, на целинные земли,— сказал пожилой термист.— А эту партию отправляем... Вот запомнител как назывался город... Да вот, смотри на бирку: Хан... дыга. А где находится этот Хандыга — бог его знает. Ты потом поищи-ка на карте, ради интереса.

— Обязательно поищу,— улыбнулся Виктор.

III

— В тесноте, да не в обиде,— сказали Логунины. Виктор и не жаловался на тесноту. Он был рад, что его приютили. Об удобствах мечтать не приходилось, но все же здесь ему понравилось. Эта крестьянская изба с потемневшими бревенчатыми стенами, этот небольшой дворик с пристройками вскоре стали до того обжитыми, что Виктору казалось, что он обитает здесь давным-давно. Близкими стали и Логунины. Вечерами обычно завязывалась задушевная беседа, и они рассказывали жильцу о своей жизни. Особенно взволновала его судьба Петра Логунина.

Он был слепым с первых дней своей жизни — родился без глазных яблок. Он никогда не видел света, мерцания звезд, синего неба. Он только ощущает солнечные лучи, он только слышит, как в теплые дни щебечут птички, шелестит листва,

слышит привычные домашние звуки — скрип двери, голоса людей, но не видит их лиц. Весь мир для него — только звуки, ощущения.

Как грустно сознавать, что не для тебя распускаются розы, не для тебя природа покрывает землю своими чудными красками. А еще грустнее оттого, что не может он работать так, как все, не может твердо шагать по земле рядом с рабочими, колхозниками и видеть плоды своего труда.

В детстве и Петр Кузьмич мечтал о работе, учебе. Особенно часто думал мальчик об этом по вечерам, когда брат Иван и сестра Катя приходили из школы и начинали готовить уроки. Из их разговора он узнавал много интересного.

— Я тоже хочу учиться,— сказал он как-то.— Говорят, в Алатыре есть школа для слепых... Может примут меня?

— Куда уж тебе, Петя,— сказала мать, махнув рукой.— Дома тебе, слепому, и без учебы хорошо.

Отец согласился со словами матери. Так и остался Петр Кузьмич безграмотным. Мать умерла вскоре после Великой Отечественной войны, а отец — еще раньше. Потом брат Иван женился, ушел из дома, сестра с утра до вечера в колхозе, а потом начала ездить на работу в Чапаевский поселок. На Петра Кузьмича никто не обращал внимания. И он поселился у брата своего — Ивана.

С волнением слушал Виктор рассказ Петра Кузьмича. Его вдруг охватило такое чувство, как

будто он в чем-то виноват перед этим беспомощным человеком.

Долго он не мог уснуть в эту ночь — все думал о судьбе Петра Кузьмича. Да, крепко его обидела природа... Тридцать семь лет прожито в темноте, тридцать семь лет — и бесконечная ночь. И хотя врачи сейчас могут творить чудеса — делают операции хрусталика, пересаживают роговицу — Петру Кузьмичу нельзя уж помочь.

В избе — тишина. Все спят. Громко отчеканивал ход, стучат стенные часы. На улице залаяла собака... По крыше монотонно барабанит дождь, яростно бьются об стену порывы мокрого ветра.

По улице медленно идет человек. Он промок до ниточки, а ветер рвет и треплет воротник его рубашки, борты пиджака. Постой, это же Петр Кузьмич! Ну, конечно, это он идет, высоко подняв голову и постукивая перед собой палочкой... А потом он исчез, перед глазами возникло доброе лицо мастера Фирсова. Виктор сразу полюбил Фирсова. Он напоминает ему отца. Даже лицом схож с ним.

Виктор чувствует сквозь сон, кто-то осторожно трясет его за плечо. Просыпаться не хочется, но вспомнил, что сегодня ему идти в третью смену. Открыл глаза — у постели стоит Петр Кузьмич:

— Вставай, Витенька. На работу опоздаешь. Виктор сбросил с себя одеяло, встал. Умылся

холодной водой, оделся. Спасибо Петру Кузьмичу — разбудил, а то проспал бы.

На улице темно, в двух шагах ничего не разглядишь. Дождь, видимо, прошел недавно, с крыши звучно падают тяжелые капли. Воздух прохладный, свежий, как рукой снимает остатки сна. В поле сильно дует ветер. Тишина. Только слышно как под ногами хлюпает грязь... Где-то лают собаки. Далеко в стороне раздался пронзительный гудок паровоза... Как ярко и красиво сияют огни. И город кажется ночью очень большим.

Виктор торопился. Хотя до завода и недалеко — рукой подать, но опоздать немудрено. Правда, он ни разу не опаздывал. И сейчас пришел вовремя, через проходную идет сплошной поток рабочих.

Сегодня Виктору впервые доверили ответственное дело — закалку звеньев гусениц. Хотя он и отлично знает что и как надо делать, но все же волнуется.

Ребята в бригаде подобрались хорошие. Вон тот, который подносит детали и часто улыбается, весельчак и балагур. Он никогда не унывает. Его сосед, парень с коротко остриженными рыжими волосами и с золотистыми веснушками на лице, наоборот, очень серьезный, учится заочно в педагогическом институте. А вот этот, худощавый юноша, любит стильно одеваться. У каждого свои интересы, свои мечты.

Проворные руки термистов загружают детали в печи. Минуты бегут за минутами. В ушах Виктора все еще голос мастера Фирсова:

— Руководство цеха поставило перед нашей сменой задачу: обработать все детали, которые поступят из механического цеха.

Виктора интересует, сколько поступит звеньев гусениц. Действительно, сколько? Четыре или пять тысяч? Должно быть, нелегко справиться с таким заданием... Виктор быстро зацепил крючком раскаленную деталь и сунул в холодную воду. Ш-ш-ик! Белый пар клочьями поднялся над ванной. Деталь готова.

Сколько раз делают руки эти привычные движения... Все меньше и меньше остается деталей для обработки. А времени еще только третий час.

В четвертом часу на Челябинском блоке кончился запас звеньев гусениц. Из механического цеха почему-то перестали подвозить их. Мастер Фирсов поспешил на участок звена. Здесь было необычно тихо.

Участок не работал.

Фирсов разыскал диспетчера. В чем дело? Участок раньше времени закончил работу, рабочие разошлись по домам.

Почему не вывезли в термический цех детали — неизвестно. Ни диспетчер цеха, ни дежурный по заводу помочь не могли. Что же делать? Неужели придется остановить Челябинский блок,

распустить людей, сорвать выполнение сменного задания?

Термисты сбились в кучу, окружили мастера. Что делать?

— Давайте сами вывезем!—предложил кто-то

Все разом зашевелились: дельная мысль! Лицо мастера посветлело:

— Давайте!

И закипела работа. Бригада калильщиков пошла в механический цех грузить звенья на электрокару, бригада цементовщиков разгружала и считала детали. Сложнее оказалось с перевозкой: электрокара часто буксовала, а потом кончилась зарядка. Тогда термисты, толкая руками, покатали ее в цех. Так рейс за рейсом. Увлеченные делом, люди забыли о ночи, а ночная смена — самая тяжелая. Но никто не думал об усталости, у всех было одно стремление — выполнить задание.

Бледнеет в цехе электрический свет — это к окнам подкралось синее утро, это всходит над землей солнышко.

После смены все пошли умываться. Умывальник установлен тут же, в цехе. Умывались по очереди. Кто-то насвистывает песенку, кто-то поет.

Лицо у Виктора возбужденное. Здорово поработали сегодня. Задание выполнено. Тело ноет от усталости, но в груди радость. Это потому, что сегодня Виктор по-настоящему почувствовал себя термистом, равноправным членом коллекти-

ва. А коллектив здесь хороший, дружный, умеет преодолевать трудности, бороться за план... И цех хороший, лучший на заводе. Здесь закаляются детали тракторов, закаляется сталь, чугун, а у таких, как Виктор, — крепнет характер, воля... На миг вспомнились армейские друзья. Рассказать бы им о цехе.

Ребята разошлись по домам. И Виктору бы идти на отдых, но сегодня ему надо зайти в правление общества слепых.

IV.

Он радостно вертел в руках эту необычную книжку с толстыми листами. Необычная и загадочная — он не мог читать ее так же, как не смог бы прочитать книгу на испанском или японском языке. В этой книге нет букв, их заменяют выпуклые точки. Одна точка обозначает букву «а», две точки — «б». Это букварь Браэля для слепых.

Чтобы учить других, надо самому все знать хорошо. Значит, Виктор должен в совершенстве знать азбуку Браэля. И он начал изучать ее. Постепенно таинственные точки перестали быть загадкой. За неделю Виктор самостоятельно осилил эту азбуку.

Когда Петр Кузьмич взял книгу в руки, он сначала ощупал ее, потом перевернул обложку и снова ощупал. Пальцы его дрожали, лицо было бледное, взволнованное.

— Это «А»,— сказал Виктор.

— «А»,— повторил Петр Кузьмич, держа кончик пальца на букве.

— Витенька, а может быть ты напрасно берешься за это дело?— дрогнувшим голосом проговорил Петр Кузьмич.— Стоит ли из-за меня терять драгоценное время? Ведь я уж все равно... Да и годы мои уже прошли.

— Петр Кузьмич! Вам нужны знания. Значит, надо учиться. Без этого сейчас нельзя.

Так начались первые уроки. Нелегко давалась учеба пожилому человеку, но все же за полтора-два месяца он научился читать на ощупь. Петр Кузьмич воспрянул духом. Расширился круг его интересов.

Он очень сожалел, что в доме нет радио. О деревенских новостях и событиях в стране он узнавал только от брата Ивана, его жены и некоторых знакомых, с кем приходилось общаться. От них он узнал и о запуске первого искусственного спутника Земли. Вышел как-то на улицу подышать свежим воздухом, а его окликнула бабушка-соседка, шедшая в аптеку за каким-то «спирьмидоном». Распросила Петра Кузьмича о житье-бытье, а потом сказала:

— Про какой-то путник земли все говорят сегодня, будто он в небе вокруг земли летает.

— Вот ведь какие умные стали люди,— удивился Петр Кузьмич.

— Да,— проговорила бабушка,—наверно эти

ученые большие деньги получают... А я вот думаю: путник в небе летает, а где же тогда тот свет-то? Священники говорят, что есть другой мир, что есть рай и ад, что умирает в человеке только тело, а душа на тот свет уходит.

— Лгут они, эти священники,— сказал Петр Кузьмич.

О спутнике Земли очень интересно рассказал ему вечером Виктор.

— Жалко, что у нас нет радио,— вздохнул Виктор.

— Радио есть, только сломанное,— проговорил Иван Кузьмич и разыскал потрепанный репродуктор. Виктор отремонтировал его, но он все равно говорил плохо, хрипло. Пришлось купить новый.

Так шло время. Учеба продолжалась. И дружба крепла. Но вскоре пришлось им расстаться.

В один из декабрьских дней, придя с работы, Виктор подсел к Петру Кузьмичу и виновато улыбнулся:

— Ухожу я от вас, Петр Кузьмич.

Петр Кузьмич встрепенулся:

— Куда уходишь? Наверно, в городе квартиру нашел?

— Нет. В общежитие поселили.

— Это хорошо... Только жалко, что уходишь... Привык я к тебе, как к родному... Ну а ты не забывай нас, навещай.

— Обязательно.

Общежитие находилось недалеко от завода по улице Вересаева. Поселили Виктора в двадцать четвертую комнату на втором этаже. Комната небольшая, но уютная. Четыре кровати, четыре тумбочки, в центре стол. На стене висит большое зеркало.

Днем здесь тишина, а вечером один за другим начинают собираться жильцы. Приходит, насвистывая, худой, долговязый парень Илья, стремительно влетает маленький, толстенький, но очень юркий Володя, и солидно входит широкоплечий Николай. Комната сразу наполняется шумными голосами, шутками, смехом. Ребята оказались веселыми и общительными. Один заводит разговор о заводских делах, другой о международном положении, а потом завязывается спор о новых кинофильмах, спектаклях, о любви, о девушках.

Иногда и скучали. Тогда Володя выкладывал на стол шахматные фигуры и серьезным тоном говорил Коле:

— Хочешь, детский мат поставлю?

— Мелко плаваешь.

— А давай сыграем?

— Давай... Только знаешь, назад не брать: взялся за фигуру — ходи.

Володя проигрывал. Начинали снова, и снова проигрывал. Досадно было; укладываясь спать, он возвещал:

— У меня и во сне шахматные комбинации.

В соседней комнате каждый вечер громко стучали костяшками домино. Любители потанцевать поднимались на третий этаж, где жили девчата. Народу в коридоре собиралось много. Виктор сразу заметил: большинство только наблюдает, а танцуют всегда одни и те же. Поговорил он с ребятами и решил организовать музыкально-танцевальную викторину: «Пусть все веселятся! А то одни танцуют, а другие стену подпирают». Викторина понравилась всем. Но больше всех, наверное, был доволен сам Виктор — на вечере не было скучающих.

Потом проводились литературные викторины, конкурсы на лучшего чтеца, танцора, певца. Победителям вручались премии. Правда, не всем нравилась такая программа.

— А ну тебя с твоими стихами,— говорили некоторые.— Крути танцы!

А танцы и так бывают в каждую субботу и воскресенье. Они уже надоели. И Виктор проводил разнообразные мероприятия. Организовывать такие вечера ему нравилось, к тому же, это теперь входило в его обязанность: избрали в бытсовет общежития, поручили ему культурно-массовый сектор.

А вскоре у него появились новые заботы — комсомольцы избрали членом цехового бюро ВЛКСМ, а потом секретарем. Общественная работа увлекла парня. Субботники, экскурсии, сбор

металлолома, художественная самодеятельность — этими и многими другими делами приходилось заниматься комсомольскому секретарю. Летом на заводской автомашине комсомольцы мчались в подшефный колхоз помогать хлеборобам.

А профессию термиста Виктор освоил быстро. Практические навыки закреплялись теорией на занятиях техминимума. Проводил их мастер Геннадий Самойлов. Новички уважали его и как человека, и как старшего товарища. Правда, этот старший товарищ был всего на один год старше Виктора.

На занятиях техминимума изучали технологию деталей, структуру металла, его физические и химические свойства. Самойлов сразу заметил: Базванов умеет схватывать главное и хорошо отвечает на все вопросы. На экзаменах он сдал на третий разряд.

Как-то в цех принесли свежие газеты. И все в тот день заговорили о почине молодежного коллектива тепловозоремонтного цеха депо Москва-Сортировочная.

Этот почин удивил Виктора, всколыхнул его душу, пробудил в нем такие чувства, которые заставляли думать, думать о многом. И вот на листочке, вырванном из ученической тетради, появились пункты социалистических обязательств, написанные размашистым почерком. Работать и жить по-коммунистически, перевыполнять смен-

ные задания, давать продукцию только отличного качества, поступить в вечерний техникум, получить третий разряд по туризму. Словом, всеми своими делами и поступками Виктор обещал оправдать высокое звание ударника коммунистического труда.

Беспокойнее стала жизнь термиста. И у печей стало «жарче» — нелегко выполнять обязательства.

По-другому стал он смотреть на жизнь. Вступил в народную дружину и с отрядом термистов ходил по улицам с красной повязкой на рукаве.

Но самое трудное — учеба. А без учебы сейчас нельзя. Нельзя отставать от жизни. Весной Виктор начал готовиться к экзаменам, чтобы поступить в вечерний электромеханический техникум. Сдал экзамены успешно. Недаром учился он в авиационном училище — в техникуме его зачислили сразу на третий курс.

Начался учебный год. Это была горячая пора. Каждый, кто учился, наверно, помнит радости и огорчения первых месяцев занятий. Интересные лекции преподавателей, новые товарищи, первые робкие выступления, лабораторные занятия...

Днем работа в цехе, вечером — учеба в техникуме. В общежитие приходил парень часов в десять-одиннадцать. Так почти каждый день. Только в среду было побольше свободного времени, и в этот день Виктор ездил к Петру Кузьмичу.

Наступили экзамены. Снова тревоги, волнения.

А после экзаменов—туристический поход. Вдаль зовет широкая Волга. Весла дружно опускаются в воду, и лодка быстро скользит по реке. Вечер чудесный, солнце печет. А туристы поют песни и любуются красивыми берегами, песчаными косами, закатом. Хорошо в походе. На привале начинаются массовые игры. Виктор оказался неплохим затейником.

Угасает день, солнышко скрывается за синевой лесов, а у туристов вспыхивает яркий костер. Снова звучат песни. С Волги доносятся гудки теплоходов, и когда они проплывают мимо, с шумом плещутся об песчаный берег крутые волны.

Туристы любят песни, музыку. Недаром они поют, что им «мир без песен тесен». Ребята интересовались операми, сюитами, симфониями. Однажды они заговорили в походе о «Временах года» Чайковского, о пятом танце Брамса, о вальсах Штрауса.

Виктор только слушал, не смея вступать в разговор: он понял, что в музыке совсем не разбирается. Стыдно стало, но никому не сказал об этом. На другой же день он набрал в библиотеке целую кипу брошюр и книг о музыке. Потом купил патефонные пластинки—учился слушать симфоническую музыку, учился понимать ее.

Виктор полюбил классическую музыку. Бывало, начнут по радио транслировать какую-нибудь

симфонию или сюиту — Виктор сядет поближе и забудет обо всем на свете.

А ребятам в комнате не нравилась такая музыка.

— Шум да грохот — ничего не поймешь. Не теряй, Витя, время на такую муру, — говорили они и выдергивали штепсель репродуктора. А Виктор с обидой объяснял им:

— Эх вы, настоящего искусства не понимаете. Когда слушаешь хорошую музыку — душа очищается, жить веселее. Нет, не завидую я людям, у которых на сердце щит черепахи...

И Виктор рассказывал ребятам о красоте музыки, о великих композиторах, о их произведениях. А ребята отмахивались. И все-таки, когда приезжали в Чебоксары известные музыканты, он встречал на концертах своих товарищей.

Теперь Виктор с кем угодно может поспорить о музыке. Его страсть — художественный свист. Он насвистывает арии из опер, сюиты, рондо. Ребятам нравятся эти мелодии, и в туристических походах они просят Виктора посвистеть.

А в походах приходится бывать часто: и зимой и летом. Недавно провели агитпоход по маршруту Шумерля — Алатырь. В деревнях выступали с докладами и концертами. Проехали двести двадцать километров.

VI

Минуло больше четырех лет с того дня, как Виктор разыскивая квартиру, встретился с Петром Кузьмичем Логуниным, поступил на завод. Работает он по-прежнему в термическом цехе, но теперь не встретить его у электрических печей. Он — контролер. Неохотно сменил свою профессию. До сих пор он завидует термистам, но ничего не поделаешь — здоровье не позволит работать у жарких печей.

Теперь Виктор в механическом цехе.

Участок ролика. Огромные токарно-карусельные полуавтоматы, агрегатные станки. Рядом — термический участок. Здесь стоят четыре закалочных станка, работающие на токе высокой частоты. Их обслуживают два термиста.

Обработанные детали, еще теплые, лежат на длинных металлических столах. Виктор проверяет качество термообработки, как сделана сварка, смотрит, нет ли трещин на беговых дорожках, затем перебрасывает деталь на соседний стол. Тридцатидвухкилограммовые ролики мелькают в воздухе как игрушечные.

Непрерывно работают станки, шипят струйки воды, по поверхности стола катятся ролики, подброшенные рукой термиста Ирбитского... Неторопливо он закрепляет на станок ролик, привычным движением нажимает на кнопки вращения и нагрева. Черная деталь моментально

становится малиновой, потом ярко-красной, потом желтовато-белой. Включается водяной душ — деталь готова. Так через каждые десять минут. Только успевай проверять. Качество их почти всегда отличное, лишь изредка встречается брак. Задача Виктора не только выявить, но и предупредить брак. И он то и дело поглядывает на станки.

А термист подбрасывает и подбрасывает ролики, они катятся горячие, мокрые, окутанные белым паром. Руки контролера в брезентовых рукавицах перекатывают их во все стороны. Неожиданно лицо его становится озабоченным, он хмурит брови.

— Иди-ка сюда, тезка, — зовет Виктор Базванов термиста. — Этот ролик не пойдет.

Ирбитский внимательно осматривает деталь с трещиной на краях.

— Да, брак. Вина моя — перегрел.

— Я же говорил тебе: не включай сразу водяной душ. Перегрел — надо было сначала остудить на воздухе, и только потом включать душ... Придется выписать браковочное.

— У кого что на уме, у контролера — браковочное извещение, — улыбнулся Ирбитский.

По пятьсот-шестьсот роликов выпускают ребята за смену. Устают они — и термисты, и контролеры. Смена заканчивается в четыре часа дня. Пробираясь между станками, Виктор напрямик идет к проходу. Мимо с грохотом, как разъярен-

ный зверь, проехал тяжелый трактор, волоча прицеп, груженный трубами. Виктор прижался к стене. Трактор оглушил его и, казалось, даже проглотил, растворил в своем грохоте.

Затем хлынул к дверям народ. Термисты гурьбой выходят из цеха. Вместе они идут до заводских ворот, а там — в разные стороны: кому в общежитие, кому — в театр, в институт, техникум.

— Пойдем, Витя, в кино, — предлагает веснушчатый паренек.

— Нет, дружище, — говорит ему Виктор. — Мне сегодня к Петру Кузьмичу.

И по знакомой тропинке Виктор идет в деревню. Пятый год он ходит по этой тропинке к Логунину.

Друг, друзья — пожалуй, лучше и не выразить их отношений. Много хорошего сделал для друга Виктор. Петр Кузьмич не только научился читать и писать, а прошел определенный курс учебы. Теперь он знает некоторое представление о развитии человеческого общества, знает, как образовалось русское государство, Советский Союз — он изучал Историю СССР. Теперь он имеет представление о строении земного шара, о природных условиях, о странах, расположенных в Европе, Азии, Африке, Америке — он изучал географию. Изучал русский язык, арифметику.

В те дни радио донесло до Петра Кузьмича весть о героической Кубе, о славном Фиделе Кастро. А потом он с огромным вниманием следил за событиями в Конго, за судьбой Патриса Лумумбы, восхищался полетами советских космонавтов.

Петр Кузьмич жадно слушает каждую передачу последних известий. Он очень интересуется политикой. И Виктор знает, что Петр Кузьмич теперь разбирается в некоторых вопросах лучше его самого. В этом он убеждается после каждого спора, а спорят они частенько.

Про замечательный поступок Виктора Базванова сообщила «Комсомольская правда». Там же был напечатан и его портрет. И посыпались Виктору письма. Они шли пачками со всех концов Советского Союза. Писали рабочие, студенты, учителя, инженеры, колхозники. Они восхищались поступком комсомольца, рассказывали ему о своих делах, советовались с ним.

Базванова хорошо знают в республиканском правлении общества слепых — не раз приходилось ему бывать там. Пришел он однажды узнать: имеет ли право получать пенсию Петр Кузьмич?

— Да, он должен получать пенсию, — ответили ему, — только никто не хлопочет, не просит.

— Я хлопочу за него.

И Петр Кузьмич теперь получает пенсию.

В лицо приятно дует теплый весенний ветер.

Повсюду зеленеет травка, на тополях и липах распустились клейкие листочки. Красиво за городом. Все вокруг залито ярким солнечным светом, в небе, высоко-высоко, заливается жаворонок.

Петр Кузьмич сейчас живет не у брата, а у сестры. Когда Виктор вошел в избу, он сидел за столом, склонив голову над раскрытой книгой. Из глаз его катились крупные слезы.

— Здравствуйте, Петр Кузьмич... Вы чем-то расстроены?

— Да вот книгу читаю... «Детство, отрочество, юность»... Хорошо пишет Лев Николаевич Толстой, за душу берет... Прочитал о том, как семья прощается с умершей матерью... Вспомнил о смерти своей матери.

«Удивительный ты человек, Петр Кузьмич. Как ты все принимаешь близко к сердцу, переживаешь...», — подумал Виктор, а вслух сказал:

— Ну, а как с задачами по арифметике? Решили?

Задачи Петр Кузьмич решил правильно. С часок они повторяли пройденный материал, затем перешли к новой теме. Потом беседовали о политике. А тут уж обязательно вспомнишь речи Н. С. Хрущева, XXII съезд КПСС...

Пройдут годы, придет тот день, когда советские люди будут жить при коммунизме... Какой будет деревня Соляново через двадцать лет?

Виктор восторженными глазами смотрел на размечтавшегося собеседника. Как он изменил-

ся, вырос за эти годы! Кажется, совсем недавно он был неграмотным, а теперь мечтает о коммунизме, живет в мире книг, читает и восхищается произведениями Пушкина, Толстого, Шолохова. И хоть его всегда окружает темнота, но он вырвался из мрака.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Они шагают в завтра	3
2. Корабли уходят вдаль	17
3. Парень из термического	29

СКВОРЦОВ АРКАДИИ ИЛЛАРИОНОВИЧ
ОНИ ШАГАЮТ В ЗАВТРА

Очерки

Чувашкнигоиздат — 1962

Редактор *А. Н. Андреев.*

Худ. редактор *В. Ф. Солодовников.*

Технич. редактор *Г. П. Петров.*

Корректор *В. Н. Вавилина.*

НТ 01447. Сдано в набор 22/VIII-1962 г. Подписано к печати 6/X-1962 г. Тираж 1000 экз. Изд. № 62. Формат 60×92^{1/32}

Объем 1,87 печ. л. Учетно-изд. 1,7

Заказ № 1742. Цена 5 коп.

Типография № 1 Министерства культуры Чувашской АССР
Город Чебоксары, ул. Володарского, д. № 5.

20.9

Цена 5 коп.